

Валентин Трифонович

РАСПУТИН

(1937-2015)

РУССКАЯ КЛАССИКА

Валентин
РАСПУТИН

*Прощание
с Матёрой*

Повести. Рассказ

Москва

2016

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р24

Серия «Книги-легенды»

Оформление *В. Щербакова*

Распутин, Валентин Григорьевич.

Р24 Прощание с Матерой / Валентин Распутин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 640 с. — (Книги-легенды).

ISBN 978-5-699-92331-1

Валентин Григорьевич Распутин был признан классиком при жизни, его имя известно всему миру, его книги переведены на десятки иностранных языков. Трагизм и горькая правда его произведений поразили читателей — недаром его повести и рассказы экранизированы и поставлены на многих театральных сценах.

В наши дни, когда литература напряженно ищет «героя нашего времени», русские люди распутинской прозы с их необыкновенным мужеством и терпением стали еще более важны и необходимы для всех нас.

В книгу «Прощание с Матерой» вошли самые любимые читателями произведения Валентина Распутина.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92331-1

© Распутин В.Г., наследники, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

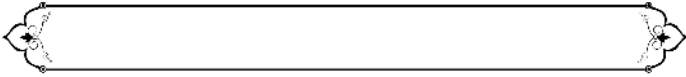

Последний срок

Повесть

1

Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде приспело: старухе было под восемьдесят. Она долго пере-силивала себя и держалась на ногах, но три года назад, оставшись совсем без силенок, сдалась и слегла. Летом ей будто легчало, и она выползала во двор, грелась на солнышке, а то и переходила с роздыхом через улицу к старухе Миронихе; но к осени, перед снегом, последняя мочь оставляла ее, и она по утрам не в состоянии была даже вынести за собой горшок, доставшийся ей от внучки Нинки. А после того как старуха два или три раза подряд завалилась у крыльца, ей и вовсе приказали не подниматься, и вся ее жизнь осталась в том, чтобы сесть, посидеть, опустив на пол ноги, а потом опять лечь и лежать.

За свою жизнь старуха рожала много, но теперь в живых у нее осталось только пятеро. Получилось так оттого, что сначала к ним в семью, как хорек в курятник, повадилась ходить смерть, потом началась война. Но пятеро сохранились: три дочери и два сына. Одна дочь жила в районе, другая в городе, а третья и совсем далеко — в Киеве. Старший сын с Севера, где он оставался после армии, тоже перебрался в город, а у младшего, Михаила, который один из всех не уехал из деревни, старуха и доживала свой век, стараясь не досаждать его семье своей старостью.

В этот раз все шло к тому, что старухе не перезимовать. Уже с лета, как только оно пошло на убыль, старуха стала обмирать, и только уколы фельдшерицы, за которой бегала Нинка, доставали ее с того света. Приходя в себя, она тоненько, не своим голосом, стонала, из глаз ее выдавливались слезы, и она причитала:

— Сколь раз я вам говорела: не трогайте меня, дайте мне самой на покой удти. Я бы тепери где-е была, если бы не ваша фельшерица. — И учила Нинку: — Ты не бегай боле за ей, не бегай. Скажет тебе мамка бежать, а ты спрячься в баню, подожди, а потом скажи: нету ее дома. Я тебе за это конфеты дам — сладкую такую.

В начале сентября на старуху навалилась другая напасть: ее стал одолевать сон. Она уже не пила, не ела, а только спала. Тронут ее — откроет глаза, глянет мутно, ничего не видя перед собой, и опять заснет. А трогали ее часто — чтобы знать: жива, не жива. Высохла и ближе к концу вся пожелтела — покойник покойником, только что дыхание не вышло.

Когда окончательно стало ясно, что старуха не сегодня-завтра отойдет, Михаил пошел на почту и отбил брату и сестрам телеграммы — чтобы приезжали. После этого растолкал старуху, предупредил:

— Подожди, мать, скоро наши приедут. Повидаться надо.

Первой, уже на другое утро, приехала старшая старухина дочь Варвара. Ей добираться из района было недалеко, всего-то пятьдесят километров, и для этого ей хватило попутной машины. Варвара открыла ворота, никого не увидела во дворе и сразу, как включила себя, заголосила:

— Матушка ты моя-а-а!

Михаил выскочил на крыльцо:

— Погоди ты! Живая она, спит. Не кричи хоть на улице, а то соберешь сейчас всю деревню.

Варвара, не глядя на него, прошла в избу, у старухиной кровати тяжело стукнулась на колени и, мотая головой, снова взвыла:

— Матушка ты моя-а-а!

Старуха не пробудилась, ни одна кровинка не выступила на ее лице. Михаил пошлепал мать по провалившимся щекам, и только тогда ее глаза изнутри задвигались, зашевелились, пытаясь открыться, и не смогли.

– Мать, – тормозил Михаил. – Варвара приехала, погляди.

– Матушка, – старалась Варвара. – Это я, твоя старшая. Я к тебе повидаться приехала, а ты на меня и не смотришь. Матушка-а-а!

Глаза у старухи еще покачались-покачались, словно чашечки весов, и остановились, сомкнулись. Варвара поднялась и отошла плакать к столу – где удобнее. Она рыдала долго, пристукивая головой о стол, зашла в слезах и уже никак не могла остановиться. Возле нее ходила пятилетняя Нинка, пригибалась, чтобы заглянуть, почему Варварины слезы не бегут на пол; Нинку прогоняли, но она, хитря, снова прокрадывалась и лезла к столу.

Вечером на счастливо подгадавшем пароходе, который ходит только два раза в неделю, приехали городские – Илья и Люся. Михаил встретил их на пристани и повел в дом, где все они родились и выросли. Шли молча: Люся и Илья по узкому и шаткому деревянному тротуарчику, Михаил рядом, по комкам засохшей грязи. Деревенские здоровались с Люсей и Ильей, но не задерживали разговорами, проходили и с интересом оглядывались. Из окон на приехавших таращились старухи и ребятишки, старухи крестились.

Варвара при виде брата и сестры не утерпела:

– Матушка-то наша... Матушка-а-а!

– Погоди ты, – опять остановил ее Михаил. – Успеешь.

Сошлись все у старухиной кровати – и Надя, Михайлова жена, тут же, и Нинка. Старуха лежала недвижимо и стыло – то ли в самом конце жизни, то ли в самом начале смерти. Варвара ахнула:

– Не жива.

На нее никто не цыкнул, все испуганно зашевелились. Люся торопливо поднесла ладонь к открытому рту старухи и не почувствовала дыхания.

— Зеркало, — вспомнила она. — Дайте зеркало.

Надя кинулась к столу, на ходу вытирая о подол осколок зеркала, подала его Люсе; та торопливо опустила осколок к бескровным старухиным губам и с минуту подержала. Зеркальце чуть запотело.

— Жива, — с облегчением выдохнула она. — Жива наша мама.

Варвара опять спохватилась плакать, будто услышала все не так, Люся тоже опустила слезу и отошла. Зеркальце попало к Нинке. Она принялась на него дуть, заглядывать, что с ним после этого будет, но ничего интересного для себя не дождалась и, улучив момент, сунула зеркальце к старухиному рту, как только что делала Люся. Михаил увидел, при всех отшлепал Нинку и вытолкал из комнаты. Нинкин рев заглушил плач Варвары, и Варваре пришлось умолкнуть. Она вздохнула:

— Ах матушка ты наша, матушка.

Надя спросила, куда подавать на стол — сюда, в комнату, или в кухню. Решили, что лучше в кухню — чтобы не тревожить мать. Михаил принес бутылку водки и бутылку портвейна, водку разлил себе и, Илье, портвейн сестрам и жене.

— Татьяна наша сегодня уж не приедет, — сказал он. — Ждать не будем.

— Сегодня не на чем больше, ага, — согласился Илья. — Если вчера получила телеграмму, сегодня на самолет, в городе пересадка. Может, сейчас в районе сидит, а машины на ночь не идут — ага.

— Или в городе.

— Завтра будет.

— Завтра обязательно.

— Если завтра, то успеет.

Михаил на правах хозяина первый поднял рюмку:

— Давайте. За встречу надо.

— А чокаться-то можно ли? — испугалась Варвара.

— Можно, можно, мы не на поминках.

— Не говорите так.

— А, теперь говори не говори...

— Давно мы вот так все вместе не сидели, — с взволнованной грустью сказала вдруг Люся. — Татьяны только нет. Приедет Татьяна, и будто никто никуда не уезжал. Мы ведь раньше всегда за этим столом и собирались, в комнате только для гостей накрывали. Я даже на своем месте сижу. А Варвара не на своем. И ты, Илья, тоже.

— Где уж там — не уезжали! — стал обижаться Михаил. — Уехали, и совсем. Одна Варвара заглянет, когда картошки или еще чего надо. А вас будто и на свете нету.

— Варваре тут рядом.

— А вам прямо из Москвы ехать, — поддела Варвара. — День на пароходе — и тут. Уж хоть бы не говорили, раз за родню нас не признаете. Городские стали, была охота вам с деревенскими знаться!

— Ты, Варвара, не имеешь никакого права так говорить, — разволновалась Люся. — При чем здесь городские, деревенские? Ты думай, о чем говоришь.

— Ага, у Варвары, конечно, нету права говорить. Варвара не человек. Че с ней разговаривать? Так, пустое место. Не сестра своим сестрам, братьевьям. А если спросить тебя: сколько ты дома до сегодняшней поры не была? Варвара не человек, а Варвара матушку нашу проводывала, в год по сколько раз проводывала, хоть у Варвары не твоя семья, побольше. А теперь Варвара и виноватая сделалась.

— Давно не была — чего там! — поддержал Варвару Михаил. — У нас еще Нинка не родилась, приезжала. А Илья в последний раз был — когда с Севера переехал. Еще Нинку Надя от груди отнимала. Помнишь, горчицей соски мазали, ты смеялся?

Илья помнил, кивнул.

— Не могла, вот и не приезжала, — обиженно сказала Люся.

— Захотела — смогла бы, — не поверила Варвара.

— Что значит — смогла бы, если я говорю: не могла? С моим здоровьем, если в отпуске не подлечиться, потом весь год будешь по больницам бегать.

— У Егорки всегда отговорки.

— При чем здесь какие-то Егорки и отговорки?

— А так, ни при чем. Вам уж и слова сказать нельзя. Важные стали.

— Ладно вам, — сказал Михаил. — Поехали еще по одной. Чего она будет киснуть?

— Поди, хватит, — предупредила Варвара. — Вам, мужикам, только бы напиться. Матушка при смерти лежит, а они тут разгулялись. Не вздумайте еще песни петь.

— Песни никто и не собирался петь. А выпить можно. Мы сами знаем, когда можно, когда нельзя — не маленькие.

— Ой, да с вами только свяжись.

Вот так они сидели и разговаривали за длинным деревянным столом, сколоченным их покойником-отцом лет пятьдесят назад. Все они, пожив отдельно, теперь мало походили друг на друга. Посмотреть на Варвару, она по виду годилась им в матери, и хотя только в прошлом году ей пошел шестой десяток, выглядела она много хуже этого и уже сама походила на старуху, да еще, как никто в родове, была толстой и небыстрой. Одно она переняла от матери: рожала тоже много, одного за другим, но к той поре, когда она стала рожать, ребяташек научились оберегать от смерти, а войны для них еще не было — поэтому все они находились в целостности и сохранности, только один парень сидел в тюрьме. Радости в своих ребятах Варвара видела мало: она мучилась и скандалила с ними, пока они росли, мучится и скандалит сейчас, когда выросли. Из-за них раньше своих годов и состарилась.

За Варварой у старухи шел Илья, потом Люся, Михаил и последней была Татьяна, которую ждали из Киева.

Илью из-за малого роста до армии звали Ильей-коротким, и, хоть длинного Ильи в деревне не было, прозвище это так и пристало к нему. Оттого что больше десяти лет он прожил на Севере, волосы у него сильно повылезли; голова, как яйцо, оголилась и в хорошую погоду блестела, будто надраенная. Там, на Севере, он и женился, да не совсем удачно, без поправки: брал за себя бабу нормальную, по росту, а пожил,

она раздалась в полтора Ильи и от этого осмелела — даже до деревни доходили слухи, что Илья от нее терпит немало.

Люсе тоже уже больше сорока, но ей ни за что столько не дашь: она не по-здешнему моложавая, с чистым и гладким, как на фотокарточке, лицом и одета не как попало. Люся уехала из деревни сразу после войны и за столько лет научилась, конечно, у городских за собой доглядывать. Да и то сказать: какие у нее еще заботы без ребятишек? А ребятишек Люсе Бог не дал.

У Михаила — не то что у Ильи — волосы по-цыгански густые и кудрявые, борода и та курчавится, завивается в колечки. Лицом он тоже черный, но чернота эта больше от солнца да от мороза — летом у реки на погрузке, зимой в лесу на валке — круглый год он на открытом воздухе.

Вот так они сидели и разговаривали за длинным кухонным столом, чтобы не мешать умирающей матери, ради которой впервые за много лет собрались в родном доме. Не хватало только Татьяны. У Михаила с Илей еще было что выпить, женщины отставили от себя рюмки, но не вставали — сидели, размякнув от встречи и разговоров, от всего, что выпало им в этот день, боясь того, что выпадет завтра.

— Надо было мне сразу и Володке телеграмму отправить, — говорил Михаил, — Теперь бы уж здесь сидел, возле нас. Охота на него посмотреть, какой стал.

— Он где? — спросил Илья.

— В армии. Второй год уж доходит. Летом обещался приехать в отпуск, да, видать, проштрафился — не пустили. Пишет, что кто-то там из его отделения с поста ушел, а его как командира наказали. Может, и сам что натворил, там это недолго. Как думаешь, отпустят его, нет, если к бабке?

— Должны отпустить.

— Надо было вчера сразу и отбить. Дурака сваял. Думаю, как написать, чтоб не прискреблись? Внук все же, не сын.

— Так бы и написал: бабка плохая, срочно приезжай, — посоветовала Варвара.

Надя вся натянулась от потерянного счастья уже сейчас видеть перед собой сына.

– Я ему это же говорила, так он разве будет слушать?

– Подождите уж немножко, – сказала Люся.

– Лучше подождать, ага. А то можно только все испортить.

Потом уж сразу: так и так. На похороны должны отпустить.

– Ой-ёй-ёшеньки, – вздохнула Варвара. – Не думали, не гадали. Одна матушка на всех, и вот.

– Сколько тебе их надо? – хмыкнул Илья.

Варвара обиделась:

– Ты прямо как неродной! Все с подковырочкой. Все хочешь из меня дуру сделать. А я не дурней тебя, можешь не подковыривать.

– Я и не думаю, что дурней. Чего это ты взелась?

– Ага, не думаешь.

Люся тихонько спросила у Нади:

– У вас швейная машинка есть?

– Есть, только я не знаю, шьет ли она. Давно уж не открывала.

– Сегодня стала смотреть, а у меня, как назло, ни одного черного платья, – объяснила Люся. – Побежала в магазин, материал купила, а шить, конечно, некогда было, только скроила. Придется здесь.

– Не успеете сегодня.

– Успею, я быстро шью. Потом, когда лягут, тут, в кухне, и устроюсь.

– Ладно, я достану, посмотрите.

Перед тем как укладываться, сошлись опять возле матери, чтобы знать, с чем ложиться. Люся попробовала найти пульс и кое-как нащупала его – чуть живой. Михаил не утерпел и подергал мать за плечо, и тогда вдруг услышали, как откуда-то изнутри донесся стон не стон, храп не храп, будто и не материн вовсе, чужой, будто, занятая своим делом, огрызнулась смерть. На Михаила зашикали, но от этого звука сделалось всем не по себе, даже Нинка полезла к Наде, присмирела.

– Хоть бы до белого дня дожидла, – всхлипнула Варвара и умолкла.

Стали укладываться. Изба была большая, но по-деревенски перегорожена всего на две половины: в одной лежала старуха, в другой спала Михайлова семья. Надя себе и Михаилу постелила на полу, а свою кровать отдала Люсе. Для Варвары нашлась раскладушка, которую поставили на старухиной половине, чтобы Варвара присматривала за матерью. Там же собирались положить на пол Илью, но он захотел спать в бане; баня у Михаила была чистая, без сажи и прелого духа, и стояла в ограде. Илье дали доху и фуфайки под низ, а наверх ватное одеяло, и он ушел, сказав, чтобы в случае чего будили.

Электричество у старухи выключили, зажгли лампу. Решили держать свет всю ночь, только убавили фитиль.

Надя достала машинку, поставила ее на тот же стол, за которым сидели, и Люся сначала испробовала ее ход на тряпке. Машинка шила хорошо.

— Ложись, — сказала Люся Наде. — Усни, пока можно. Неизвестно еще, какая сегодня будет ночь.

Надя ушла. Ее о чем-то спросил Михаил, она что-то ответила — все шепотом.

Застрекотала машинка, и Люся сама испугалась, выпустила ручку — до того громким, как стрельба, показался ее стук. На него тут же пришлепала напуганная Варвара. Увидев Люсю, чуть остыла:

— Слава тебе, Господи! Думаю, кто тут такой. Прямо всю затрясло. Че это тебе приспичило?

Люся не ответила, шила.

— На похороны, че ли, черное-то приготавлиешь?

— Не понимаю: неужели об этом обязательно надо спрашивать?

— А че я такого сказала?

— Ничего.

— Шей, я тебе ниче не говорю. Я вот посижу возле тебя маленько и уйду. Мешать не буду.

Варвара придвинула табуретку, пристроилась сбоку. Она так и не разделась, только отцепила чулки, и они стянутой кожей болтались ниже колен.